

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Чэнь К. К вопросу об иронической модели А.П. Чехова в комедии «Чайка» // Филология: научные исследования. 2025. № 12. С. 132-145. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.12.77370 EDN: OSBYJJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77370

К вопросу об иронической модели А.П. Чехова в комедии «Чайка»

Чэнь Канюй

ORCID: 0009-0008-7801-1259

соискатель; Филологический факультет; Московский государственный университет им. МВ. Ломоносова

000000, Китай, Гуандун область, г. Гуанчжоу, ул. Лиганлу, 6, кв. 1407

✉ hkoch24@outlook.com

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.12.77370

EDN:

OSBYJJ

Дата направления статьи в редакцию:

19-12-2025

Дата публикации:

28-12-2025

Аннотация: Данная статья посвящена исследованию специфики иронической модели в пьесе А. П. Чехова «Чайка». Предметом анализа выступает структурно-функциональный механизм реализации иронической модели, возникающей как онтологическое несоответствие между статичной внутренней философией персонажей и динамическим потоком реальности. В центре внимания находится ирония, порождаемая самой тканью драматического действия, где герои остаются заложниками собственных мировоззрений вопреки радикальной смене внешних жизненных обстоятельств. Автор рассматривает образы Маши, Полины Андреевны, Нины Заречной и Треплева через призму их неспособности к подлинному диалогу и осознанию своего места в меняющемся времени. Изучается, как субъективная замкнутость персонажей в пространстве личных иллюзий формирует целостную ироническую модель, определяющую философскую глубину и

художественное своеобразие чеховской поэтики. Метод исследования основан на комплексном анализе текста пьесы, сопоставлении диалогов персонажей с существующими критическими и литературоведческими источниками, включая концепции драматической и трагической иронии, а также на систематизации и интерпретации примеров для выявления особенностей чеховской иронической модели. Научная новизна исследования заключается в обосновании иронической модели как системного принципа организации чеховской драмы, выходящего за рамки сатирического приема. Автор доказывает, что ирония у Чехова носит гносеологический характер и служит инструментом выявления трагикомической сложности бытия. Механизм иронии в «Чайке» базируется на сложной диалектике статичности и динамики, индивидуального желания и общей цепи страдания. В выводах установлено, что прозрение героев, даже достигнутое ценой утраты иллюзий, не ведет к разрешению конфликта, а лишь подчеркивает их одиночество. Полученные результаты позволяют утверждать, что ироническая модель «Чайки» предвосхищает поэтику всей зрелой драматургии Чехова, становясь универсальным способом постижения неуловимой правды жизни. Работа расширяет представления о чеховском комизме и предлагает инструментарий для дальнейшего изучения иронического модуса.

Ключевые слова:

А.П. Чехов, драматургия, комическое, комедия, ирония, ироническая модель, авторская ирония, объективная ирония, несоответствие, Чайка

Введение

Особенности иронии в драматургии А.П. Чехова на протяжении длительного времени находятся в центре внимания русского и зарубежного литературоведения. Исследователи неоднократно подчеркивали, что чеховская ирония принципиально отличается от традиционной авторской иронии и не сводится к прямой оценке персонажей или изображаемых ситуаций. В этом отношении показателен широкий круг работ, в которых ирония рассматривается как скрытая, опосредованная форма художественного мышления писателя.

Объектом данного исследования является драматургия А. П. Чехова. Предмет исследования составляет ироническая модель и способы ее функционирования в пьесе «Чайка». Цель работы состоит в выявлении специфики реализации иронической модели в «Чайке» и её роли в формировании особого иронического модуса чеховской драматургии. Для достижения поставленной цели в статье решаются следующие задачи:

1. изучить теоретические подходы к анализу иронии в творчестве Чехова и обосновать выбор источников;
2. определить понятие «иронической модели» как структурного принципа организации драматургического действия;
3. выделить и проанализировать ключевые компоненты иронической модели в пьесе «Чайка», такие как ситуация взаимного непонимания и статичность персонажей;
4. рассмотреть трансформацию иронической модели в образах Треплева и Нины, а также специфику «иронии приспособления» в линиях Аркадиной и Тригорина;
5. обобщить функции иронии как способа художественного осознания трагической несоразмерности жизни.

Методология исследования базируется на сочетании методов структурно-семантического

анализа, сравнительно-типологического метода и метода целостного анализа художественного текста, позволившего осмыслить ироническую модель в единстве поэтики и проблематики творчества А.П. Чехова.

Основные подходы к исследованию иронии А.П. Чехова

Вопросы поэтики чеховской иронии уже давно находятся в фокусе внимания литературоведов, однако подходы к её изучению претерпевали значительную эволюцию.

Одной из первых к исследованию особенности иронии Чехова обратилась в свое время Э.А. Полоцкая. Опираясь на мысль Т. Манна о том, что сама жизненная правда «по природе своей иронична» [\[1, с. 528\]](#), Полоцкая определяла чеховскую иронию, особенно в драматургии писателя, как «внутреннюю» иронию. Исследовательница убедительно показала, что объективная форма драмы создает идеальные условия для проявления такой иронии, которая растворена в самой структуре бытия и требует от читателя «зоркого» внимания [\[2, с. 39\]](#).

Дискуссионным остается вопрос о механизме возникновения иронического смысла. Например, на особенность иронии Чехова обратил внимание В.Б. Катаев [\[3; 4\]](#). Ученый утверждает, что в пьесе Чехова «не столько ирония, исходящая от автора, сколько воспроизводимая им ирония самой жизни, обесценивающей любую фразу, позу, особенно заемную, несамостоятельную, принятую со стороны» [\[4, 195-196\]](#). При этом, следуя гносеологическому подходу, Катаев связывает его с моментом внутреннего прозрения героев и обнаружением их скрытой общности [\[4\]](#).

С утверждением Катаева полемизирует И.Н. Сухих, который указывает на условность и случайность связи между внутренним открытием персонажа и гносеологическим открытием: «новый тип сюжета как парадоксального, внутренне противоречивого обнаружения характера героя, не обязательно связанного с его субъективным открытием, – значительно расширяет эту группу произведений» [\[5, с. 59-60\]](#).

Значимый вклад в углубление темы внесли работы, рассматривающие иронию в этико-философском ключе [\[6-9\]](#). Так, Л. Е. Кройчик видит в чеховской иронии обратную сторону гуманистического пафоса, утверждая, что «стремясь достучаться к каждому человеческому сердцу, он открывал огромные потенциальные возможности личности, подчас пропадающие втуне. Это питало чеховскую иронию, но – одновременно и показывало, сколь значителен может быть человек, настроенный на волну взаимопонимания, взаимосочувствия, на волну созидания» [\[6, с. 264\]](#). Ученый Э.С. Афанасьев, утверждая, что «оценки и самооценки героя смещены из аспекта гносеологического в аспект онтологический» [\[8, с. 95\]](#), переводит разговор в плоскость «драматической вины» чеховских персонажей, которые уклоняются от жизненного статуса, от судьбы и от их «предназначенности». Таким образом, согласно ученому, «драматическая вина и является жанрообразующим фактором в пьесах Чехова» [\[8, с. 259\]](#).

Современные исследователи значительно существенно углубили анализ этого поле, сосредоточив внимание на конкретных приемах – от символики (образа чайка) до системы иронических деталей [\[10-19\]](#). Например, Б.Я. Зуяне полагает, что «Чайка» – это «комедия иронического сожаления, в ней выражено скептическое отношение к печали о непоправимом, где непоправимое – это события, на ход которых повлиять невозможно»

[\[10, с. 15\]](#)

В центре нашего внимания находятся более современные интерпретации чеховской драматургии в русле особенностей иронии. Рассматривая эволюцию поэтики иронии в творчестве Чехова Л.М. Нигматуллина приходит к выводу, что «в плане эволюции в ранних произведениях писателя ирония идет крещендо, а в зрелых – иронический тон меняется от форте к пиано, смешиваясь к тому же с другими модусами художественности, с лиричностью, или с драматизмом» [\[17\]](#). Иронические детали в художественной системе Чехова также вызвали интерес у исследовательницы Н.А. Кадировой, которая приходит к выводу об иронической особенности «Чайки»: «в пьесе «Чайка» благодаря аккумуляции деталей усиливается трагическая ирония, свидетельством которой становится сквозной образ мертвой чайки, символизирующей мечту Треплева и Нины Заречной о новом искусстве. Используя различные приемы выражения многогранной иронии, драматург последовательно реализует принцип оксюморонного совмещения напряженных внутренних конфликтов, связанных с решением важнейших проблем искусства, и удушающих бытовых мелочей» [\[19, с. 27\]](#).

Рассмотренные выше материалы исследования специфики ироничности в художественной системе позволяет понять, что при всей значимости этих исследований проблема механизма функционирования иронии в чеховской драме остается недостаточно систематизированной. Чаще всего ирония рассматривается либо как философский модус, либо как совокупность частных приемов, тогда как нам представляется важным увидеть в ней единую модель, организующую развитие действия. Особенно наглядно эта проблема проявляется в пьесе «Чайка», где ирония не проявляется в отдельных репликах или комических ситуациях, а пронизывает систему персонажей и их взаимодействий.

В настоящей статье предлагается рассматривать иронию в «Чайке» как ироническую модель, то есть как повторяющийся структурный принцип, определяющий логику развития конфликтов и характер персонажных связей.

Для теоретического обоснования нашего подхода необходимо уточнить содержание понятия «ирония» применительно к драматургической структуре. В качестве отправной точки мы принимаем философское определение иронии как категории, «характеризующей процессы отрицания, расхождения намерения и результата, замысла и объективного смысла», при этом ирония отмечает «парадоксы развития, определ. стороны диалектики становления» [\[20, с. 220\]](#). Этот базис позволяет нам опереться на интерпретацию Т. Манна, видевшего суть иронии в трагическом расколе между субъектом, носителем ценностей, и миром, подвергающим эти ценности сомнению [\[20, с. 221\]](#).

Однако для анализа пьесы общепризнанного понимания недостаточно. Ключевым методологическим ориентиром для нас служит концепция «драматической иронии» П. Пави. Важно, что Пави указывает принципиальное отличие новой драмы от классического театра, «...например, у Чехова... ирония организует саму структуру диалогов: «она зиждется на непрерывном воспроизводстве двусмысленностей, порождающих новые двусмысленности и завершающихся демотивациями персонажей и стратегии прочтения, которая делает возможными взаимоисключающие интерпретации, отказываясь от эксплицитных решений» [\[21, с. 128\]](#). Именно эта логика принципиальной неоднозначности определяет характер диалогов в «Чайке», где реплики персонажей формально соотносятся друг с другом, но не ведут к подлинному взаимопониманию. В

своей статье Ищук-Фадеева Н.И. указывает на разделение «иронии вербализированной» и «иронии ситуационной». Однако, когда речь заходит о чеховской иронии, исследовательница приходит к выводу, что «трагедийность комедии и «метафизическое утешение» (Ф. Ницше) трагедии, близкое по своему мироощущению жанру комедии, – проблема сложная» [\[22, с. 21\]](#).

Таким образом, синтезируя философский взгляд на «парадоксы развития» и театроведческое понимание структуры диалога, в данной работе под иронической моделью предлагаем понимать особый способ организации драматургического мира, при котором столкновение замкнутых индивидуальных картин мира персонажей с объективным течением жизни (и друг с другом) порождает устойчивый эффект смыслового несовпадения и трагикомического диссонанса.

Основная часть

Ирония в драматургии Чехова может быть рассмотрена как организующий принцип, определяющий не только тональность пьесы, но и характер ее конфликтов. В «Чайке» этот принцип проявляется особенно отчетливо, поскольку драматическое действие строится именно вокруг системы повторяющихся ситуаций непонимания, ожидания и разочарования.

Одним из ключевых элементов иронической модели в «Чайке» является ситуация устойчивого взаимного непонимания между персонажами. Это непонимание носит не случайный и не психологически частный характер, а выступает в качестве структурного механизма, определяющего логику драматургического действия. Ирония возникает здесь из столкновения различных систем ценностей и представлений о жизни, которые не поддаются взаимному переводу.

Уже в начальных сценах пьесы Чехов демонстрирует тип диалога, при котором реплики персонажей формально соотносятся друг с другом, но семантически не пересекаются. Показателен разговор Маши и Медведенко. Медведенко искренне не понимает причин Машиного страдания, оценивая ее положение с точки зрения материального благополучия: «Вы здоровы, отец у вас хотя и небогатый, но с достатком» [\[23, с. 5\]](#). В ответ Маша этому противопоставляет свое понимание несчастья: «По-вашему, нет большего несчастья, как бедность, а по-моему, в тысячу раз легче ходить в лохмотьях...» [\[23, с. 6\]](#). Иронический эффект здесь заключается в том, что оба персонажа правы в пределах собственных координат, однако сама структура диалога делает понимание невозможным.

Аналогичная модель воспроизводится и в отношениях Нины и Треплева. Нина не принимает символического языка и художественных поисков Треплева, прямо заявляя: «Я слишком проста, чтобы понимать вас» [\[23, с. 27\]](#). Ее критика пьесы («В вашей пьесе мало действия...» [\[23, с. 11\]](#)) свидетельствует не столько о наивности, сколько о приверженности иной художественной установке, ориентированной на ясность и сценическую выразительность. В свою очередь, Треплев, настаивая на необходимости «новых форм» [\[23, с. 8\]](#), не способен услышать позицию Нины, что лишь углубляет разрыв между ними.

Принципиально важно, что подобные коммуникативные провалы не осознаются персонажами как трагическая аномалия. Каждый из них убежден в естественности собственной точки зрения, что придает иронии особую глубину. Зритель оказывается в привилегированной позиции, поскольку видит повторяющуюся модель, в рамках которой

искренность намерений оборачивается источником страдания для другого.

Таким образом, непонимание в «Чайке» функционирует как устойчивый механизм порождения иронии. Желание одного персонажа неизбежно оказывается травматичным для другого, образуя цепь взаимных несчастий. Иронический эффект возникает из самой структуры взаимодействий, в которой замкнутость индивидуальных миров превращает человеческое общение в источник трагикомического напряжения.

Важнейшим элементом иронической модели в «Чайке» является статичность персонажей, которая проявляется не как отсутствие жизненных событий, а как неспособность к внутреннему пересмотру собственных жизненных оснований. Чехов последовательно показывает, что внешние перемены сами по себе не ведут к подлинному изменению, если они не сопровождаются переоценкой ценностей и способов восприятия мира.

Особую выразительность этот принцип приобретает в четвертом действии пьесы, где временной разрыв в два года выполняет не столько реалистическую, сколько ироническую функцию. Ожидание перемен сталкивается здесь с очевидным отсутствием внутреннего движения. Так, Маша, выйдя замуж за Медведенко, надеется заглушить прежние чувства «новыми заботами» [\[23, с. 33\]](#), однако и спустя годы продолжает воспроизводить тот же эмоциональный сценарий. Ее реплика о намерении «с корнем из сердца вырвать» прежнюю любовь [\[23, с. 47\]](#) повторяет по сути те же формулы, которые звучали и раньше, тем самым подчеркивая неизменность ее внутренней позиции.

Иронический эффект возникает из повторяемости жизненной установки персонажа. Маша не просто страдает, но продолжает настаивать на страдании как на форме самоидентификации, не осознавая, что именно эта установка лишает ее возможности выхода за пределы замкнутого круга. Подобное повторение воспринимается самими персонажами как движение, тогда как для зрителя оно обнажает отсутствие подлинного развития.

Аналогичным образом выстраивается и линия Полины Андреевны. Ее отношения с Дорном сохраняют ту же структуру зависимости и ревности, несмотря на прошедшее время. Обращаясь к Маше со словами «я ведь всё понимаю» [\[23, с. 47\]](#), она фактически подтверждает неизменность собственной эмоциональной позиции. В этом проявляется характерная для чеховской драматургии ситуация, при которой персонажи интерпретируют устойчивость как жизненную мудрость, тогда как она оказывается формой внутренней неподвижности.

Вышесказанное позволяет уточнить, что статичность в «Чайке» выступает как особая форма драматической вины. Она заключается не в активном нарушении нравственных норм, а в приверженности иллюзорному ожиданию перемен без пересмотра собственных оснований. Как отмечает Э.С. Афанасьев, подобная вина связана со стремлением персонажей к ложному самоутверждению и может быть преодолена лишь через опыт подлинного внутреннего изменения [\[9, с. 59\]](#). В большинстве случаев герои «Чайки» к этому опыту не приходят, что и формирует устойчивый иронический эффект пьесы.

На фоне статичных персонажей фигуры Треплева и Нины занимают в «Чайке» особое положение. В отличие от Маши или Полины Андреевны, их жизненный путь не сводится к простому воспроизведению неизменных установок. Чехов наделяет обоих героев потенциалом внутреннего изменения, что позволяет рассматривать их линии как динамический вариант иронической модели.

В первых трех действиях пьесы Треплев и Нина предстают как носители жестких, хотя и противоположных идеалов. Треплев абсолютизирует художественную новизну, настаивая на необходимости «новых форм» [23, с. 8] и отвергая существующую традицию. Нина, напротив, ориентирована на сценический успех и театральный блеск, что проявляется в ее критике пьесы Треплева («В вашей пьесе мало действия, одна только читка. И в пьесе, по-моему, непременно должна быть любовь...» [23, с. 11]) и в вопросе к Тригорину: «Не правда ли, странная пьеса?» [23, с. 16]. Несмотря на взаимное притяжение, их диалог строится по модели непонимания, поскольку каждый из них говорит из собственной системы ценностей.

В этом контексте представляется возможным уточнить позицию П. Н. Долженкова, утверждавшего, что Чехов отказывается от разработки комического эффекта даже при наличии предпосылок для него [12, с. 57]. В «Чайке» комическое действительно не получает оформления в виде внешнего эффекта, однако его потенциал сохраняется и перерабатывается в иронический регистр. Комизм утрачивает функцию разрядки и становится частью структуры драматического действия.

Перелом в судьбах героев происходит за пределами сценического действия и становится очевидным лишь в четвертом акте. Оба утрачивают прежние иллюзии. Треплев отказывается от абсолютизации формы и приходит к убеждению, что «дело не в старых и не в новых формах» [23, с. 56]. Нина, пережив крах сценических мечтаний, формулирует иную жизненную установку, утверждая, что в искусстве «главное не слава, не блеск..., а умение терпеть» [23, с. 58]. На этом уровне между ними возникает духовное родство, основанное на общем опыте страдания.

Однако именно здесь чеховская ирония приобретает трагическую глубину. Достигнув сходных выводов, Треплев и Нина по-прежнему не способны к подлинному взаимопониманию. Для Нины найденная вера становится источником жизненной опоры, тогда как для Треплева тот же опыт оборачивается ощущением пустоты и утраты призвания: «Я не верую и не знаю, в чем мое призвание» [23, с. 59]. Их сближение оказывается запоздалым и не ведет к разрешению конфликта.

Иронический эффект строится здесь на парадоксе. Персонажи проходят схожий путь утраты иллюзий, но приходят к принципиально различным онтологическим результатам. Если в статичных фигурах ирония возникает из отсутствия движения, то в образах Треплева и Нины она формируется из самой динамики, из изменения, не приводящего к целостности. Тем самым Чехов демонстрирует предельную форму иронической модели, при которой даже внутреннее прозрение не гарантирует выхода из одиночества.

В этом контексте ирония в линии Треплева и Нины приобретает черты трагической иронии в том смысле, в каком ее определяет П. Пави. Трагическая ирония, по его словам, возникает тогда, «когда герой полностью заблуждается относительно своего положения и находится на пути к гибели, хотя ему самому кажется, что выход может быть найден» [21, с. 128]; при этом двойственность смысла осознается не персонажем, а зрителем. Применительно к образу Треплева это означает, что его позднее прозрение не становится актом освобождения и в итоге оборачивается новым источником трагического разрыва между знанием и возможностью действия.

В отличие от большинства персонажей «Чайки», существование которых определяется внутренним конфликтом, страданием и ожиданием перемен, Аркадина и Тригорин представляют собой примечательное исключение. Их жизненные стратегии основаны не

на поиске выхода из кризиса, а на устойчивом приспособлении к сложившемуся укладу жизни, что придает их образам особое ироническое звучание.

Аркадина демонстрирует редкую для чеховского мира цельность и самодостаточность. Ее характер строится на сочетании внешней противоречивости и внутренней устойчивости, которая не разрушается под давлением обстоятельств. Основу ее мироощущения составляет сознательный отказ от рефлексии о будущем и конечности существования: «И у меня правило: не заглядывать в будущее. Я никогда не думаю ни о старости, ни о смерти. Чему быть, того не миновать» [23, с. 21]. Осознавая свое призвание актрисы, Аркадина, по словам Треплева, убеждена, что «служит человечеству, святому искусству» [23, с. 8].

Как отмечал А.П. Скафтымов, на фоне «ноющих и плачущих» персонажей Аркадина оказывается «единственным жизнерадостным типом» [10, с. 141]. Однако эта жизнерадостность имеет принципиально иную природу, чем стоическое принятие страдания у Нины. Если для Нины пережитый опыт становится источником внутреннего преображения и нравственного роста, то для Аркадиной устойчивость достигается за счет сосредоточенности на личном благополучии. В этом, по мысли Скафтымова, и заключается «признак нравственной ограниченности» Аркадиной [10, с. 141], который формирует скрытый иронический эффект ее образа.

Сходная логика приспособления определяет и линию Тригорина. То, о чем мечтает Треплев — талант, признание, связь с публикой, — для Тригорина становится источником мучительного внутреннего напряжения: «нет мне покоя от самого себя, и я чувствую, что съедаю собственную жизнь» [23, с. 29], «Я боялся публики, она была страшна мне» [23, с. 30]. Стремясь уйти от этого напряжения, Тригорин ищет утешение в частной, бытовой сфере, прежде всего в рыбалке [23, с. 29].

В первых действиях мотив рыбной ловли выполняет преимущественно характерологическую и комическую функцию, снижая образ знаменитого писателя и подчеркивая разрыв между его публичным статусом и частными желаниями. Однако в четвертом действии этот мотив приобретает иной, более глубокий смысл. Желание «только и делать, что удить рыбу» [23, с. 54] и признание, что «поймать ерша или окуня — это такое блаженство» [23, с. 54], знаменуют окончательный отказ от творческого напряжения в пользу примитивного, физиологически понятного удовольствия. В этом и заключается горькая ирония чеховского взгляда на творческую деградацию, маскируемую внешним благополучием.

Дополнительную выразительность иронической модели придает эволюция мотива «записывания». Если во втором действии Тригорин фиксирует в записной книжке чужие судьбы, выступая в роли наблюдателя, то в дальнейшем объектом записи становится его собственный, глубоко личный опыт, при этом он переходит от роли наблюдателя к роли «участника» судеб действующих лиц. И в финале же этот мотив сменяется настойчиво повторяющимся забвением: «Не помню!» [23, с. 55], «Не помню!» [23, с. 60]. Утрата способности к воспоминанию и рефлексии становится кульминацией его внутреннего опустошения.

Таким образом, в образах Аркадиной и Тригорина реализуется особый вариант иронической модели — ирония приспособления. В отличие от персонажей, чья жизнь определяется страданием и внутренним разломом, они сохраняют устойчивость ценой

отказа от глубины и нравственного напряжения. Их благополучие оказывается особой формой иронии, в которой утрата смысла скрыта под маской жизненной успешности.

Заключение

Подводя итоги, можно утверждать, что ирония в пьесе А.П. Чехова «Чайка» носит структурно организованный характер. Она вырастает из самой логики драматургического мира пьесы — из способа соотнесения внутреннего опыта персонажей с течением жизни и друг с другом. Чеховская ирония в «Чайке» реализуется в виде иронической модели, основанной на взаимодействии нескольких устойчивых механизмов: ситуация взаимного непонимания; статичность персонажей, понимаемая как неспособность к внутреннему пересмотру жизненных оснований, что превращает время и опыт в форму повторения.

В этом смысле ироническая модель «Чайки» может быть осмыслена как особая форма драматической и трагической иронии в театральном понимании, о котором пишет П. Пави. Ирония у Чехова организует саму структуру драматического действия, выявляя пределы человеческого понимания и действия. При этом, как справедливо отмечает В. В. Полонский, чеховский герой иронически обречен на слабость перед одним из самых сильных соблазнов художественного мира писателя — стремлением «сбросить непосильное бремя судьбы» и раствориться в безличном жизненном укладе [\[16, с. 192\]](#). Ирония в «Чайке» тем самым выступает как способ художественного осознания трагической несоразмерности между субъективными устремлениями личности и объективной логикой жизни.

Особую сложность и глубину ироническая модель приобретает в образах Треплева и Нины. Чехов демонстрирует, что даже преодоление прежних заблуждений не гарантирует выхода из экзистенциального одиночества. Тем самым ирония в «Чайке» проявляется как следствие неподвижности, а также как парадокс динамики — изменения, не приводящего к целостности. В фигурах Аркадиной и Тригорина ироническая модель получает форму иронии приспособления, при которой внутренняя устойчивость и внешнее благополучие достигаются ценой отказа от глубины, рефлексии и нравственного напряжения.

Таким образом, предложенная в статье ироническая модель позволяет рассматривать «Чайку» как пьесу, в которой ирония становится одним из ключевых принципов организации драматического действия. Она выявляет не просто разрыв между желаемым и действительным, но и трагическое несовпадение человеческих миров даже там, где персонажи проходят сходный путь жизненного опыта. Представленный подход может быть применен и к анализу других пьес А.П. Чехова, что открывает перспективы дальнейшего исследования иронического модуса его драматургии в целом.

Библиография

1. Манн Т. Собр. Соч.: В 10 т. Т. 10. М., 1961. – 696 с.
2. Полоцкая Э.А. О поэтике Чехова / Рос. акад. наук. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М.: Наследие, 2000. – 238 с.
3. Катаев В.Б. Проза Чехова: проблемы интерпретации. М.: Изд-во МГУ, 1979. – 327 с.
4. Катаев В. Б. Литературные связи Чехова. – М.: Изд-во МГУ, 1989. – 261 с.
5. Сухих И.Н. Проблемы поэтики А.П. Чехова. 1987. – 185 с.
6. Кройчик Л.Е. Поэтика комического в произведениях А.П. Чехова. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1986. – 276 с. EDN: RTAKRL
7. Назиров Р.Г. Поэтика прозы А.П. Чехова в ее развитии. – Уфа, 1989.
8. Афанасьев Э.С. Творчество А. П. Чехова: Иронический модус: диссертация... доктора

филологических наук: 10.01.01. – Ярославль, 1997. – 301 с.

9. Афанасьев Э.С. Драматургия А.П. Чехова: иронический модус // Литература в школе. 2023. № 4. С. 53-66. DOI: 10.31862/0130-3414-2023-4-53-66 EDN: DKUJAE

10. Скафтымов А.П. Драмы Чехова // Волга. 2000. № 2-3. С. 132-147.

11. Зуяне Б. Я. К. С. Станиславский и А. П. Чехов в работе над "Чайкой": К проблеме психологии творчества: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 1997. С. 15.

12. Долженков П.Н. Эволюция драматургии Чехова: Монография / П.Н. Долженков. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: МАКС Пресс, 2023. – 340 с. DOI: 10.29003/m3680.978-5-317-07093-9 EDN: ERKQXY

13. Разумова Н.Е. "Чайка": перепланировка чеховского сада // Драма и театр. Тверь. 2002. – Вып. 4 – С. 103-111.

14. Разумова Н. Е. Онтология судьбы в драматургии А. П. Чехова // Вестн. Том. гос. ун-та. 2006. №291. С. 103-112.

15. Каменская Ю. В. Ирония как компонент идиостиля А. П. Чехова: диссертация...кандидата филологических наук: 10.02.01. – Саратов, 2001. – 173 с. EDN: NLXBCJ

16. Полонский В.В. Между традицией и модернизмом. Русская литература рубежа XIX–XX веков: история, поэтика, контекст. – М.: ИМЛИ РАН, 2011. – 472 с. EDN: QWISMX

17. Нигматуллина Л. М. А.П. Чехов – мастер иронической детали // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. 2019. №1 (49). С. 124-129. EDN: BJRCPV

18. Кичигина В.В. "Человек, который хотел..." (о принципах комического несоответствия в чеховской "Чайке") // Филологические науки. Вопросы теории и практики, Том. 13, №.2, 2020. С. 33-36.

19. Кадилова Н.А. Ироническая деталь в художественной системе А.П. Чехова: автореферат дисс. ... кандидата филологических наук: 10.01.01. – 25 с.

20. Философский энциклопедический словарь [Текст] / гл. ред. Л. Ф. Ильичев и др.. – Москва: Сов. энциклопедия, 1983. – 839 с.

21. Пави П. Словарь театра: пер. с. фр. М.: Прогресс, 1991. – 504 с.

22. Ищук-Фадеева Н.И. Ирония как фундаментальная категория драмы. // Драма и театр: Сб. науч. Тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. – Вып. 4. – С. 10-21. EDN: SYPOTJ

23. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М.: Наука, 1974–1982. Т. 13. Пьесы. 1895–1904. – М.: Наука, 1978. – 530 с. EDN: VNNSXB

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Творчество А.П. Чехова в отечественной и мировой оценке объемно, фактурно и конструктивно. Но появляются новые исследования, которые сосуществуют с уже имеющимися наработками и это, на мой взгляд, вполне уместно, естественно. И даже при появлении новых наработок по драматургии А.П. Чехова нужно учитывать вектор уже сказанного, а не нивелировать это, ибо фактор обобщения / систематизации есть должный спектр достижения поставленной задачи. Представленный же к публикации материал не содержит должным образом грейд обобщения критических работ. Статья имеет приметы реферативного характера, она несамостоятельна, не оригинальна. В

тексте довольно много «опечаток», ошибок, фактических неточностей. Например, «Э.А. Полоцкая, развивая тезис Томаса анна об «иронии жизни» применительно к повествовательной прозе А.П. Чехова, распространяет его и на драматургию писателя. Она предлагает определять чеховскую иронию как «внутреннюю», «косвенную», «скрытую» или «объективную»: «жанровые особенности драматургического произведения исключают возможность непосредственных авторских оценок и, соблюдая с наибольшей последовательностью внешнюю форму объективности, создают благоприятные условия для проявления внутренней иронии автора» [8, с. 39]», или «Двуплановость в изображении персонажей порождает уникальное описание внутреннего конфликта в пьесах А.П. Чехова, в частности в «Чайке». Герои комедии раскрываются в двух аспектах: через объективный жизненный статус и через их собственную рефлексию по поводу этого статуса. Противоречие, коренящееся в различии их внутренних миров, и приводит к тому, что персонажи не способны понять друг друга. Ситуация взаимного непонимания проявляется уже в первых сценах комедии», или «Отказ от понимания демонстрирует не только Нина по отношению к Тригорину («Простите, я отказываюсь понимать вас. Вы просто избалованы успехом» [10, с. 30]), но и Полина Андреевна Дорна в общении с Дорном: «Пустяки, для мужчины это не старость. Вы прекрасно сохранились и еще нравитесь женщинам» [10, с. 11]» и т.д. Нет в работе качественного анализа драмы А.П. Чехова, наличен лишь описательный тон: «для персонажей иронической комедии А.П. Чехова характерны устойчивость, статичность, неподвижность и неизменность. Эти черты характера проистекают не из самой жизни, а из собственной жизненной философии персонажа, поэтому когда положения жизни изменяются, у персонажей остается такое же представление на них. В четвертом действии, спустя два года, Маша с отчаянием вышла замуж за Медведенка, но видна ее оставшаяся любовь к Треплеву» и т.д. Работу стоит серьезно пересмотреть, автору необходимо более точно обозначить собственно свою позицию, обозначить фактурно точку зрения на реализацию иронического начала в пьесе «Чайка». Считаю, что и «ирония» как термин понимается автором тоже несколько некорректно, следовательно, и этот момент желательно прописать более точно. Выводы по тексту желательно расширить; фактическую номинацию стоит дополнить: «в заключение подчеркнем, что предложенный А.П. Чеховым в «Чайке» механизм иронии, основанный на диалектике статичности и динамики, иллюзии и прозрения, индивидуального желания и общей цепи страдания, не только является ключом к пониманию этой пьесы, но и предвосхищает поэтику его зрелой драматургии». После внесения правки работа может быть рекомендована к публикации; в данном же виде статью «К вопросу об иронической модели А.П. Чехова в «Чайке» нельзя принять к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Объектом исследования в рецензируемой научно-исследовательской работе является ироническая модель в творчестве А.П. Чехова.

Предметом исследования служат проявление и функционирование иронической модели в пьесе А.П. Чехова «Чайка».

Актуальность работы определяется тем, что при неизменном интересе русского и зарубежного литературоведения к особенностям иронии в драматургии А.П. Чехова «... проблема механизма функционирования иронии в чеховской драме остается недостаточно систематизированной», при этом «особенно наглядно эта проблема проявляется в пьесе «Чайка».

Теоретическая основа исследования базируется на работах, анализирующих развитие драматургии Чехова, иронический модус его произведений; рассматривающих творчество писателя и драматурга во взаимосвязи с предшественниками, современниками и последователями; вскрывающих косвенную связь тонкой иронии Т. Манна и А.П. Чехова; представляющих специфику чеховского театра. В спектр используемой литературы входят также справочная литература и произведения А.П. Чехова. Все включенные автором в канву статьи цитаты ученых интерпретируются.

К сожалению, вопреки рекомендованному редакцией объему «списка литературы для оригинальной научной статьи – не менее 20 источников» в статье обозначены 10, что затрудняет оценку масштаба изученности проблемы на современном этапе.

Цель исследования состоит в демонстрации воплощения в пьесе «Чайка» иронической модели и способа её воздействия на «формирование особого иронического модуса чеховской драматургии». Заявляя иронию в драматургии Чехова в качестве организующего принципа в отношении «тональности пьесы» и «характера её конфликтов», автор выделяет ключевые элементы иронической модели произведения. Одним из компонентов иронической модели называется «ситуация устойчивого взаимного непонимания между персонажами», выступающая как «структурный механизм, определяющий логику драматургического действия». Следующим элементом в иерархии иронической модели пьесы автор рассматривает статичность персонажей, суть которой в неспособности героев «к внутреннему пересмотру собственных жизненных оснований». Автор уточняет, что статичность в «Чайке» «выступает как особая форма драматической вины». Неотъемлемым звеном в модели, согласно данному исследованию, является повторяемость жизненной установки персонажа, посредством которой создаётся контраст реального, видимого зрителем, и осознаваемого собственно персонажем. Также выделяется парадокс: ирония создается из противоречий в ситуациях, когда герои, теряя иллюзии, приходят к «принципиально различным онтологическим результатам». По мысли автора, «дополнительную выразительность иронической модели пьесы придаёт эволюция мотива "записывания"», демонстрирующего «кульминацию внутреннего опустошения» персонажа. Заключительной составляющей в иронической модели «Чайки» является «особый вариант иронической модели — ирония приспособления». Автор статьи приходит к выводу о том, что «ирония в пьесе А.П. Чехова «Чайка» носит структурно организованный характер» и «реализуется в виде иронической модели, основанной на взаимодействии нескольких устойчивых механизмов». Ироническая модель пьесы осмысливается автором как «особая форма драматической и трагической иронии в театральном понимании». Делается вывод о характере иронии «как способе художественного осознания трагической несоразмерности между субъективными устремлениями личности и объективной логикой жизни» и о функции иронии, заключающейся в «организации драматического действия».

К сожалению, в статье имеется ряд недочётов структурного и оформительского характеров:

1. Нарушена структура жанра научно-исследовательской статьи: не указаны объект и предмет исследования, использованная автором методология; не обозначены задачи

исследования; выводы, соответствующие задачам, за неимением последних, в статье также отсутствуют, что не позволяет оценить научные достижения автора в рамках проведенного исследования;

2. Автор не разъясняет выбор источников, привлечённых им для раскрытия темы, и не характеризует их;

3. Вопреки рекомендациям журнала располагать источники в списке литературы согласно порядку их цитирования (упоминания в тексте статьи), автор располагает их в алфавитном порядке.

В целом, статья производит хорошее впечатление. Основная часть исследования характеризуется логичностью, последовательностью, аргументированностью. Язык изложения соответствует нормам научной речи. Работа отличается самостоятельностью и оригинальностью, она представляет интерес для широкого круга читателей и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования» после небольшой доработки.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья «К вопросу об иронической модели А.П. Чехова в комедии "Чайка"» представляет собой интересное аргументированное исследование, посвященное одной из самых востребованных пьес мировой драматургии. Актуальность заявленной темы обусловлена, как следует из обзора научной литературы, ее дискуссионностью. Обобщив репрезентативный круг работ, автор статьи фокусирует свое внимание на том подходе, когда «ирония рассматривается как скрытая, опосредованная форма художественного мышления писателя».

Отметим, что работа выполнена в традициях классического литературоведения: она хорошо фундирована, при этом автор выявляет полемические, дискуссионные моменты, а не просто фиксирует ту или иную позицию, выстраивает свою концепцию, которую основывает на глубоком анализе текста, формулирует цель и задачи исследования, обозначает методологическую базу. Все это определяет структуру работы, которая состоит из введения, раздела «Основные подходы к исследованию иронии А.П. Чехова», основной части и развернутого заключения, в котором нашли отражение все основные итоги исследования.

В работе реализован адекватный для раскрытия темы комплекс методов исследования (сравнительно-типологический, метод целостного анализа художественного текста, а также приемы структурно-семантического анализа).

Новизна данной работы несомненна. Основные результаты исследования заключаются в следующем: 1) показано, что ирония является организующим принципом, определяющий тональность пьесы и характер ее конфликтов; 2) выявлено, что в основе иронической модели лежит ситуация устойчивого взаимного непонимания между персонажами, которая «выступает в качестве структурного механизма, определяющего логику драматургического действия»; 3) на конкретных примерах показано, что

иронические подтексты возникают из-за того, что в диалоге обозначаются несовпадающие системы ценностей и представления о жизни, герои не способны воспринять другую позицию, а потому «желание одного персонажа неизбежно оказывается травматичным для другого, образуя цепь взаимных несчастий». Собственно, замкнутость индивидуальных миров и создает тупики в коммуникации, что определяет механизм порождения иронии; 4) кроме модели «поиск выхода из кризиса», выделен особый тип иронической модели – ирония приспособления (Аркадина и Тригорин).

Таким образом, цель исследования - выявить специфику реализации иронической модели в пьесе «Чайка» и осмыслить ее роль в формировании особого иронического модуса чеховской драматургии – достигнута.

Стиль изложения отвечает требованиям научного описания, содержание работы соответствует названию. Укажем, что в статье есть ряд опечаток и грамматических неточностей, но они единичны и не искажают смысл.

Статья самостоятельна, оригинальна, будет полезна исследователям творчества Чехова, театроведам, а также широкому кругу читателей. Выводы и анализ конкретных речевых ситуаций будет полезен при осуществлении постановок «Чайки» в театре. Таким образом, статья рекомендуется к публикации в журнале.